

ЧАДО ЭЛВИСА

Какое-то щемящее чувство возникает, когда мы смотрим на это 20-летнее лицо. Да, ей уже столько же лет, сколько было ее отцу, когда он впервые окупил Америку в рок-н-ролл. Лиза Мари, или Лиза, — она предпочитает, чтобы ее называли именно так.

Ее мать, Прицилла Билей, повстречала Элвиса, когда ей было 14. Жить вместе они начали, когда ей было 16. В 22 года они поженились, в 23 родился ребенок, в 28 они развелись, а в 32 у нее появились права распоряжения состоянием Элвиса. Но главное наследство Элвиса — его имя и его слава. Прицилла, которой сейчас 45, использует и то, и другое, равно как и свою незаурядную внешность, что позволяет ей रहаться в Голливуде.

«Мои мама и папа оставались близки даже после развода. Мне тогда было пять лет, — говорит Лиза. — Они вместе приходили на родительский день в школу. Но я никогда не забуду тяжести развода».

«Мы пожимали друг другу руки, — говорит Прицилла. — Лиза никогда не была свидетелем наших раздоров. Никаких криков или ссор. Мы очень не хотели, чтобы она чувствовала наши разногласия или чувствовала их последствия. У нас не было ненависти, мы уважали друг друга. Для Элвиса я оставалась ребенком, которого он вырастил. Эту же любовь ощущала Лиза».

«Я могла видеть отца каждый раз на Рождество, Пасху, в конце недели. Пару раз он брал меня с собой на гастроли, — говорит Лиза. — А если он собирался осесть в каком-нибудь месте надолго, например, в Лас-Вегасе, то он приглашал меня на несколько дней туда».

Он был всегда готов к какому-нибудь проделкам — пострелять горохом из трубочки, побегать, погонять на карте или снегоходе. Звал он меня Батончиком или Иизой. Он вообще называл меня Лизой, лишь когда здорово сердился.

Как-то раз, мне тогда было пять или шесть лет, мы смотрели телевизор. Я посмотрела на него и сказала: «Папа, папа, я не хочу, чтобы ты умер». «О'кей, я согласен. Не думай об этом». Я повторила это несколько раз, пока мы были вместе. Наверное, он думал, что я совсем чокнутая. Но я всегда за него пере-

живала. Я что-то чувствовала. Когда отец умер, мне было девять лет. Так что я волновалась не зря».

«В день, когда умер Элвис, Лиза как раз приехала к нему, — говорит Прицилла. — Правая рука Элвиса — Джо Эспозито — позвонил мне и сообщил страшную новость. Верно, отец Элвиса, прислал за мной самолет «Лиза Мари». Когда я оказалась в Грейсланде, то увидела Лизу, как ни в чем не бывало катающейся на своем автомобильчике. Я подумала: «Господи, неужели можно быть такой равнодушной?». А потом осознала, что оставаться в своем маленьком игрушечном мире — было лучшим способом все это пережить. Она знала, что ее отец умер, но большого удара это ей не нанесло».

«Когда Лизе исполнилось четырнадцать лет, в печати восторженно раскрывали известие, что ее отец употреблял наркотики. И тогда мы более подробно поговорили о смерти отца, — говорит Прицилла. — Я была поражена тем, что она знает массу деталей, которые я долгие годы старалась от нее утаить. Когда я убедилась, что она все это знает, я успокоилась. Я не хотела быть в числе тех, кто пытается изменить ее представление об отце».

Я часто видела, как отец глотает какие-то таблетки, но никогда не задумывалась об этом, — говорит Лиза. — Все эти вещи никак не уменьшили мою любовь к отцу. У меня есть непоколебимая любовь к нему как к Элвису Пресли».

«Когда же с наркотиками начала экспериментировать Лиза, я, пожалуй, вела себя типично для матерей, не желающих замечать этого. Невозможно было поверить, что после всего, что случилось с Элвисом, у нее появится желание самой попробовать наркотики. Да, — временами мне казалось, что она словно в тумане, у нее расширились зрачки, я чувствовала что-то неладное. Были и другие проявления. Она всегда была уставшей и хотела спать. Она избегала контактов. И я спросила ее напрямик, но Лиза все отвергла».

«Я была в бунтарском возрасте, — говорит Лиза. — А наркотики были неотъемлемой частью всего этого. Я начала с транквилизаторов, а потом пошло — поехало. Понятно, что многие меня могут спросить: зачем, ведь твой же отец умер от наркоти-

ков? Но в том возрасте я смотрела на все иначе. Я должна была через все пройти сама. Я получила свой урок, и впредь не намерена быть даже рядом с наркотиками».

Однажды я была в улете три дня подряд. Я напичкала себя кокаином, но у меня оставалось еще немного. Я могла либо принять его, либо отправиться спать. Я посмотрела на кокаин и решила: все, ни капли больше. И спустила остатки в унитаз. Я была в компании пяти приятелей. Они толком не поняли, пошутила я, или это всерьез. Но после того, как я приняла решение, я тут же подыскала себе новых дружок, далеких от наркотиков. Это помогло мне выкарабкаться».

А в школе я поняла: либо я останусь здесь и сдохну, либо смотаюсь отсюда. Так что в одиннадцатом классе я с этой школой завязала и решила перейти в другую. Жалею обо всем этом. Жалею, что не получила диплома. Теперь-то я понимаю, как важно иметь образование».

А вот о чем я больше всего скучала тогда, так это о возможности быть в компании своих сверстников. Мне кажется, я слишком быстро повзрослела. Меня всегда окружали вещи, обычные для более старших людей. Автомобили, взрослые парни. Я всегда была в центре тусовки. И всегда со мной был тот, кто по большому счету мне нравился. Мой первый любовник был настоящим кошмаром для моей матери. Расчетливый и лицемерный: оказалось, он продавал газетчикам мои фотографии».

«Первая девичья любовь всегда самая сильная, — вздыхает Прицилла. — В течение трех лет я каждый день чувствовала, что теряю Лизу. Все ее внимание замыкалось на этом парне. Мне пробиться к ее чувствам было невозможно. А я боялась потерять ее. И вынуждена была вести себя очень кротко. Отец мог бы и наказать ее, но я не могла этого позволить: иначе Лиза просто бы ушла к своему приятелю. К этому времени она делала все, что ей заблагорассудится. Ей было четырнадцать, столько же, сколько мне, когда я повстречала Элвиса. И я вдруг поняла, что мои родители через все это прошли. Теперь вот и я увидела со стороны все мое былое бунтарство».

«Все пошло точно так, как описано в книжке моей мамы «Элвис и я». Я прошла той же тропинкой, и в том, что мама почти все знала обо мне, не было ничего удивительного. Однажды я сказала матери, что пойду к подруге. А подруга жила в двух кварталах от дома моего парня. Так что я зашла сначала к подруге, здорово намалевала лицо, нацепила чешуйчатые шорты и пошла...

Выхожу, а перед домом стоит тачка, а в ней — мои мать и бабка. «Сядь в машину!» Я так и замерла, обалдев».

Когда Лизе исполнилось шестнадцать, я установила комендантский час — десять часов вечера, — гово-

Лиза (справа) и Прицилла — незадолго до свадьбы Лизы.

рит Прицилла. — Я, конечно, понимаю, что мы живем нынче в другое время и все такое. И все же была уверена, что на правах родителя я должна по крайней мере знать, с кем мое дитя проводит время».

«В тот день, когда я впервые получила водительские права, мне тогда было шестнадцать, мы сразу же укатили с моим приятелем. Я уехала на всю ночь, и даже не позвонила, — вспоминает Лиза».

«Она позвонила мне на следующий день в семь утра, — говорит Прицилла, — она рассыпалась в извинениях, просила прощения. А что мне оставалось делать, побить ее? Устроить истерику? Она и сама переживала...»

«А когда мне исполнилось семнадцать, я вовсе уехала из дому. Обычная вещь для тинэйджеров. Мне казалось прекрасным иметь свое собственное жилище. Мама даже помогла мне подыскать его и переехать туда с моей лучшей подругой. Кстати, за все время у меня было около трех лучших подруг. В таком прекрасном уединении я провела восемь месяцев, а потом началось... Бульварные газетчики пронохали, где я живу, и к нам повалили со своими вопросами, со своими фотообъективами. Эти газетчики — хуже тараканов. Они напали на меня в универсамах, прятаясь на деревьях, забирались в мусорные контейнеры. Склизкая мерзость. И тут я поняла, что опять хочу в свою семью. Мне стало не хватать наших семейных обедов и наших домашних сплетен. Я соскучилась по моей маме!»

Мой лучший друг — моя мама. Я всегда могу к ней обратиться по любому поводу. И хотя она все выслушивает и дает советы, но все же всегда предоставляет мне право самой принимать решения. Она очень чуткая. Кстати, у нас обеих возникали проблемы с любовниками».

«У меня бывали очень неловкие ситуации с подрастающей Лизой, — вспоминает

Прицилла. — Я не знала, как мне назначать свидания. Что она подумает, если мой приятель останется на ночь? А мне хотелось, чтобы она сохраняла уважение к своей матери. Наверное, большинство одиноких родителей сталкивается с этой деликатной проблемой. Я не знала, Лизу ли с кем из своих приятелей, если не была убеждена, что наша с ним связь продлится довольно долго».

«Одна из этих связей слишком затянулась, — вставляет Лиза, — мало того, что этот человек пытался настроить нас друг против друга, но он еще хотел разлучить нас. Он был чокнутым».

«Когда он, наконец, ушел, то, казалось, что отсюда поднялось облако, — говорит Прицилла, — облако злой энергии».

«А затем мама повстречалась с Марко. Она это держала от меня в секрете почти два месяца, — говорит Лиза. — Я бы так ничего и не узнала, если бы однажды не вернулась домой и не сказала: «О'кей, он здесь, я видела его автомобиль и хочу увидеть его самого». Сейчас они уже провели вместе около четырех лет. Я полюбила Марко больше, чем всех предыдущих любовников мамы».

Наверное, я была первой, кто узнал о том, что мама беременна. Я полетела в аптеку и купила ей индикатор ранней беременности. (О их существовании я знала потому, что когда сама опасалась, что залетела, мой приятель купил мне такую же вещь). Я рассуждала, конечно, в шутку: если у нее родится девочка, я ее возненавижу; ну а если мальчик, то мне все равно. А на самом деле рождение Нэврона было самым счастливым событием моей жизни. Бесподобный ребенок! Своих будущих детей я буду воспитывать так же, как это делает моя мама».

Вообще-то, я очень нормальный человек, — продолжает Лиза, — я не из тех детей всяких знаменитостей, что просаживают деньги и

гоняют на Роллс-Ройсах. Я узнала цену доллара, работая в течение года в конторе. Я сделала свои собственные деньги, у меня есть свой счет в банке. У меня была нормальная — с десяти до пяти работа, как у всех людей. И я могу заварить чашку кофе».

«Она не мотается по дорогим магазинам, — добавляет Прицилла. — Она всегда смотрит на ценники и разбирается, что почему».

«Когда мне одиноко или грустно, — продолжает Лиза, — я убегаю куда-нибудь со своими подружками. Я не маскируюсь в широкополые шляпы или темные очки, хотя мне страшно не нравиться, если меня окружает толпа. Пока мы не решили пожениться. Денни не знал, что делать. Конечно, это все необычно, быть тем, кто я есть и иметь то, что я имею. Кроме того, я похожа на отца. Но Денни сам себе на уме — он не стал из себя корчить Элвиса. Как всякий нормальный мужчина, он делает свое дело и помогает мне всем, чем может».

«Как-то я обнаружила и прочла в лизинной комнате некоторые записи и поняла, что у Лизы есть писательский талант, — говорит Прицилла».

«Да, — соглашается Лиза. — Иногда я кое-что пишу, но никогда в этой связи не думала о карьере или денежном. Но пару месяцев назад решила заняться этим серьезно».

«Из музыки мне нравится очень многое. Но «горячая сороковка» меня не волнует. И «Пинк Флойд» мне не нравится. Прошел у меня интерес и к тяжелому металлу. Больше всего мне нравится ритм-энд-блюз. А в прошлом году я сходила на концерт «U2» и была в восторге. Прекрасные люди. Я гордилась, что встретилась с ними. И они, похоже, были рады видеть меня. Все это было в кайф!»

Другие развлечения? Я не прочь заглянуть в кондитерскую за углем».

Журнал «Лайф». Джон ЦИММЕРМАН (фото).

